

## РОЛЬ ФОЛЬКЛОРНОЙ СИМВОЛИКИ В ГРАЖДАНСКОЙ ЛИРИКЕ Р. ХАРИСА

© Нурфия Юсупова, Гульфия Гайнуллина

### THE ROLE OF FOLKLORE SYMBOLS IN THE CIVIL LYRICAL POETRY OF R. KHARIS

Nurfiya Yusupova, Gulfiya Gainullina

The article studies the functional and nominative field of folklore symbolism in the civil lyrical poetry of R. Kharis. The relevance of the study is due to the fact that nominative functions of folklore symbolism in the poet's civic lyrical poetry have not been examined in such depth and scope before, therefore, we need to identify specific features of semantic transformations of folklore images-symbols based on individual samples of civic lyrical poetry of the 1960s–1980s. The object of the research is poetic texts, in which folklore symbolism, undergoing semantic transformations, occupies a significant place.

The scientific novelty is determined by a different approach to the study of civil lyrical poetry of R. Kharis: the study focuses on identifying the ideological, semantic and functional originality of folklore images-symbols, as well as their transformations. A structural-semiotic analysis of poetic texts, their assessment in ideological-nominative and functional integrity will make it possible to highlight new facets not only in the poet's work, but also in the development of Tatar civic lyrical poetry of the 1960s–1980s.

The article argues that the iteration of folklore images in the civil lyrical poetry of R. Kharis has become the basis of a new type of artistic style. Firstly, they act as custodians and disturbers of national traditions in the poet's work. Secondly, they contribute to the two- or three-level organization of the poetic text, playing the role of subtext, providing their "double reading". Thirdly, they make it possible to step over the ideological schematism of the Soviet era, expand and deepen both the philosophical and semantic ranges of works. In this way, the poet enriches civic lyrical poetry with philosophical motifs and transforms it within the framework of a non-classical paradigm.

*Keywords:* folklore, symbol, R. Kharis, civic lyrical poetry, function, transformation.

В статье раскрывается функциональное и номинативное поле фольклорной символики в гражданской лирике Р. Хариса. Актуальность исследования обусловливается малоизученностью номинативного функционирования фольклорной символики в гражданской лирике поэта, а следовательно, потребностью выявления специфических особенностей смысловой трансформации фольклорных образов-символов на материале отдельных образцов гражданской лирики 1960–80-х годов. Объектом исследования являются поэтические тексты, в которых значительное место занимает фольклорная символика, подвергающаяся смысловой трансформации.

Научная новизна определяется иным подходом к изучению гражданской лирики Р. Хариса: в ходе исследования акцентируется внимание на выявление идейно-смыслового и функционального своеобразия фольклорных образов-символов, а также их трансформации. Структурно-семиотический анализ поэтических текстов, оценка их в идейно-номинативной и функциональной целостности дадут возможность выделить новые грани не только в творчестве поэта, но и в развитии гражданской лирики в татарской поэзии 1960–80-х годов.

В ходе исследования утверждается, что итерация фольклорных образов в гражданской лирике Р. Хариса становится основой нового типа художественного стиля. Во-первых, они выступают в роли хранителя и возмутителя национальных традиций в творчестве поэта. Во-вторых, способствуют двух- или трехуровневой организации поэтического текста, играя роль подтекста, и обеспечивают «двойное прочтение». В-третьих, дают возможность перешагнуть идеологический схематизм советской эпохи, расширяют, углубляют и философский, и смысловой диапазон произведений. Так поэт обогащает гражданскую лирику философскими мотивами и трансформирует ее в рамках неклассической парадигмы.

*Ключевые слова:* фольклор, символ, Р. Харис, гражданская лирика, функция, трансформация.

Ренат Харис – поэт, известный в татарской поэзии второй половины XX – начала XXI века многочисленными лирическими стихами, поэмами и либретто. Его творчество характеризуется абстрактным мышлением и авангардными приемами, которые раскрывают особенности мировоззрения, образного мышления поэта и образуют специфику поэтического стиля. Еще в начале творческого пути Т. Н. Галиуллин называл Р. Хариса представителем интеллектуальной поэзии, философской лирики [Галиуллин, с. 101]. Как отмечает Н. Юзиев, произведения поэта требуют от читателя определенного уровня мышления, подготовки и сообразительности [Юзиев, с. 156–157].

Существенное влияние на становление художественного, ассоциативного мышления Р. Хариса оказал татарский фольклор. Начиная с 1970-х годов, когда «сдвиг художественной парадигмы в татарской поэзии происходит под влиянием народной песни» [Загидуллина, с. 49], генетически связанные с фольклорными традициями образы-символы составляют основу художественно-ассоциативного мышления поэта. Зачастую такая тенденция кроется в заглавии стихотворений – «Чулпы» («Накосник»), «Ак сөлге» («Белое полотенце») и т. д. Как верно подмечает Г. Ахунов, «направление и особенности творчества писателя связаны с его мировоззрением, со средой, в которой он живет, с народным мышлением и традициями» [Ахунов].

Такая тенденция ярко прослеживается и в гражданской лирике Р. Хариса. В ходе расширения жанровых и идейно-эстетических границ гражданской лирики поэт устанавливает диалог с татарским фольклором; образы, ориентированные на народный пласт татарской культуры, выступают специфическими формами создания смысловой и философской глубины его произведений. Кроме того, презентованные в гражданской лирике Р. Хариса фольклорные образы-символы участвуют в трансформации образной системы, выступают в роли хранителя и возмутителя национальных традиций в его творчестве, способствуют структурировать поэтический текст, играя роль подтекста.

Индивидуальный взгляд на общественные явления в гражданской лирике Р. Хариса зачастую проявляется в символах или символических конструкциях: обычно символический образ, повторяющийся в названии стихотворения, в сильной позиции, акцентирует национальную или общественно-политическую проблематику. Например, в стихотворении «Ак сөлге» («Белое полотенце») таким образом выступает белое полотенце. В народных традициях белое полотенце

выполняет особую функцию: на Сабантуях оно, придавая силу рукам, ложится на спины борцов, украшает свадьбу молодых, развевается, провожая юношей и мужчин на войну. Оно – постоянный спутник татарского народа. С одной стороны, в структуре стихотворения белое полотенце воспринимается национально-ритуальной атрибутикой татарского народа, знаком «гостеприимства татарского народа, особенно важным для лирического героя» [Хасанова, 2013, с. 278], констатируется как фундамент национальной культуры, эталон национальной самобытности. В данном ключе основная мысль поэта указывает, что наша жизнь и культура базируются на народных традициях. Именно они хранят информацию о культуре, истории и обычаях народа и выступают своеобразным его оберегом.

Кроме того, в подтексте оно приобретает новую смысловую вариацию и указывает на чистую душу татар. В соотношении с образом материнского молока мерцают новые смысловые вариации, углубляя содержание стихотворения и активизируя интертекстуальные смысловые вариации читателя. Материнское молоко является самым важным и дорогим в жизни каждого, символом основы жизни. При помощи такого параллелизма презентуется мысль о том, что чистота души, нравственные, общечеловеческие ценности не только человека, но и нации в целом воспитываются материнским молоком. Так образ белого полотенца становится носителем общечеловеческих ценностей:

«Син бит үзең дә халкымның  
Күңеле төсә –  
Сөтгән сөңгән зур пакълекнең  
Бер көзгесе» [Харис, с. 101]. –  
«Ты ведь цвет души  
Моего народа,  
Ты зеркало чистоты,  
Молоком пропитанной»

(здесь и далее подстрочный перевод наш. – Н. Ю.).

Так презентуется непрерывная причинно-следственная связь между душевным состоянием, чистотой души и поступками не только человека, но и народа в целом.

Давая общественно-политические оценки, Р. Харис обращается к традиционным для татарской поэзии образам деревьев. Если большинство татарских поэтов часто обращаются к образам березы, осины, папоротника, то Р. Харис отдает предпочтение образам тополя и яблони. Образ тополя в фольклорных текстах символизирует тяжелое горе, большую скорбь, тоску и несчастную любовь. Но Р. Харис расширяет и транс-

формирует ее традиционное смысловое поле. Так, в стихотворении «Өянке» («Монолог тополя») образ тополя может быть прочитан по-разному: и как нация, живущая в советском пространстве, и как человек, живущий в тоталитарной реальности, и может уподобляться самому лирическому герою.

С одной стороны, образ вызывает ассоциации с национальными проблемами, символизирует характерные черты жизненного уклада татарского народа или его представителей в советскую эпоху. В данном ключе он ассоциируется с татарским народом, который пережил трудности, мучения, выпавшие на его долю, ибо «не утрачивал веру в жизнь, побеждая трудности» [Хәсәнова, с. 155], или человеком, живущим в тоталитарной реальности:

«Өскә үсмәсен әле, дип,  
Баш ботагымны киссәң,  
Мин бит ян-якка үсәм!..  
Киңлеккә китмәсен, диеп,  
Ян-якларымны киссәң  
Мин куелыкка үсәм!..  
Куелыкка үсмәсен, дип,  
Ябалдашымны киссәң,  
Мин тамыр якка үсәм!..  
Бәгырең чабымчы, диеп,  
Казып тамырыма төшсәң,  
Кабрең өстендә үсәм!» [Харис, с. 18]. –  
«Если оборвешь верхушку мне,  
Чтоб не росла я в вышину,  
Я буду расти в стороны!..  
Оборвешь мне боковые ветки,  
Чтоб не пошла я вширь,  
Я буду расти в гущину!..  
Сострижешь мне крону,  
Чтоб не росла я в гущину,  
Я пойду расти в корень!..  
Раскопашь корни мне,  
Чтоб срубить мне сердцевины,  
Я вырасту на твой могиле!»

Обрезка верхушки дерева, боковых веток, кроны, корней воспринимается читателем как истребление исторической памяти. Утверждения «Я буду расти, я вырасту» закрепляют важность силы духа и презентуют о жизнеспособности народа в тоталитарных условиях. Таким образом, сила духа превращается в надполитическую категорию, необходимую для сохранения и совершенствования не только человека или нации, но и человечества в целом.

В стихотворении «Үпкәләгән алмагач» («Обиженная яблоня») поэт обращается к образу яблони, часто встречающемуся в народных песнях. Образ-символ яблони в фольклорных текстах ассоциируется с красотой девушки, пси-

хологическим состоянием возлюбленного или возлюбленной [Юсупова, с. 68]. Р. Харис наполняет ее новыми смысловыми вариациями. В тексте, написанном в форме монолога яблони и воссоздающем трагическую картину, через монолог достигается эмоциональное напряжение: печаль сменяется сожалением, сожаление – печалью, печаль превращается в надежду, и поэтический текст наполняется философскими размышлениями.

В стихотворении переплетены несколько мотивов, которые могут быть прочитаны и в личностно-индивидуальном, и в философском, и в общественно-политическом контекстах. С одной стороны, в структуре стиха яблоня символизирует человека. Он устал от жизни, его «обрывают», «с него сбивают», ему хочется «сделав ветки крыльями, улететь с этой остывшей земли...», но, несмотря на это, его «лишь нить паутины связывает с землей, и та вот-вот оборвется...». Все эти состояния становятся причиной сожаления и печали лирического героя, предметом экзистенции. Образ паутины становится связующим звеном двоимирия, соединяющим сожаление, печаль и надежду, жизнь и смерть, бытие и небытие:

«Өзделәр...  
Өлгергәнән дә, өлгермәгәнән дә  
Сындыра-сындыра өзделәр...  
Койдылар,  
Саргайганын да, саргаймаганын да  
Койды жилләр кыйный-кыйный...  
Хәзер мин азат бар нәрсәдән –  
Ботакларны канат итеп,  
Очып китәм бу суынган туфрактан...  
Хәзер мине бер парәвез жебе генә  
Жиргә бәйләп тотып тора,  
Менә-менә өзеләм дип...  
Һәм өзелми,  
Бәхеткә каршы...» [Харис, с. 155]. –  
«Оборвали  
И те, что поспели, и те, что не поспели,  
Обрывали, ломая ветки,  
Сбивали  
И пожелтевшие, и не очень  
Сбивали ветры.  
Теперь я свободна от всего,  
Сделав ветки крыльями,  
Улечу с этой остывшей земли...  
Теперь меня лишь нить паутины  
Связывает с землей,  
И то вот-вот оборвется...  
И не обрывается,  
К счастью...»

Однако в последних строках «И не обрывается, / К счастью» мерцает проблеск радости и настраивает читателя на философский

лад. В философском плане автор размышляет о текучести времени и нежелании человека прощаться с жизнью. Таким образом, подчеркивается основная черта, присущая человеку: желание жить, осознание своего единства со всем живым на земле, – и указывает на таинственность этой объединяющей силы.

Ключевое слово «ветер» в тексте позволяет обнаруживать новые смысловые конструкции. В данном ключе образ яблони символизирует татарский народ, ветер воспринимается как трудности, пережитые татарским народом, сожаление-печаль-надежда связывается с трагической судьбой народа. В данном контексте образ паутины становится проводником между прошлым и будущим народа и воспринимается как нить с будущим. Такой подтекст порождает особенного лирического героя, человека – представителя своей нации, идентифицирующего себя как прямого наследника своего народа, ответственного за его судьбу, тем самым автор говорит о жизнеспособности татарского народа.

В гражданской лирике Р. Харис презентует также аллегорические образы татарского фольклора. Так, в стихотворении «Кызыл төлке» («Красная лиса»), давая общественно-социальные оценки, поэт обращается к традиционным для татарских сказок образам лисы и гуся, однако трансформирует их семантическое поле. Убийство гуся лисой, а лисы охотником – уничтожение слабого сильным – вызывает экзистенциальную оценку действительности. Предметом экзистенции лирического героя выступает тот факт, что подобная модель выживания в обществе становится нормой. Вместе с тем аллегорический образ лисы вызывает ассоциативную связь с татарскими сказками, и появляется еще одно «спрятанное» значение: такая модель выживания общества не щадит даже хитрых.

«Ак кар.  
Ак каурый,  
Кызыл каурый...  
Ак кар...  
Кызыл төлке...  
Кызыл кар...» [Харис, с. 113]. –  
«Белый снег.  
Белые перья,  
Красные перья...  
Белый снег...  
Красная лиса...  
Красный снег».

В подтексте стихотворения мерцают и философские мотивы. По мнению автора, в жизни каждого человека наступает смерть – это закон жизни. Картина уничтожения гуся лисой и рас-

правы охотника над лисой рождаются в сознании лирического героя, и, таким образом, автор подчеркивает, что причина суждений и переживаний не в первоначальной действительности, а во вновь созданной вторичной реальности [Загидуллина, с. 209].

Таким образом, итерация фольклорных образов в гражданской лирике Р. Хариса становится основой нового типа художественного стиля. С одной стороны, фольклорные образы-символы выступают в роли хранителя и возмутителя национальных традиций в творчестве поэта. С другой стороны, в гражданской лирике они способствуют двух- или трехуровневой организации поэтического текста, играя роль подтекста, и обеспечивают «двойное прочтение». Кроме того, обращение к фольклорным образам-символам дает возможность перешагнуть идеологический схематизм советской эпохи: использование «народной» символики и трансформация ее номинативного поля расширяет, углубляет и философский, и смысловой диапазон произведений. Раскрывая их внутренний смысл, пробуждая неожиданные поэтические ассоциации, поэт старается глубже проникнуть в духовный мир человека, татарского народа, «стенографически» зафиксировать для будущих поколений дух своего времени. Так поэт обогащает гражданскую лирику философскими мотивами и трансформирует ее в рамках неклассической парадигмы.

#### Список литературы

- Загидуллина Д. Ф. Татарская поэзия рубежа XX–XXI веков (1986–2015 г.г.): эстетические ориентиры и художественные поиски. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2017. 268 с.
- Хасанова Ф. Ф. Поэзия Рената Хариса как художественная система // Филология и культура. Philology and culture. 2013. № 2 (32). С. 277–280.
- Хасанова Ф. Ф. Поэзия Рената Хариса: монография. Казань: Школа, 2005. 260 с.
- Юсупова Н. М. Система образов-символов в татарской поэзии первой половины XX века. Казань: ИХЛАС, 2018. 311 с.
- Ахунов Г. Тамырлар // Шәһри Казан. 1991. 12 июль.
- Галиуллин Т. Н. Еллар юлга чакыра. Казан: Татар. кит. нәшр., 1975. 142 б.
- Загидуллина Д. Ф. 1960–1980 еллар татар әдәбияты: яңарыш майданлары һәм авангард эзләнүләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 2015. 383 б.
- Харис Р. Сайланма әсәрләр: 7 томда. Т. 1: шигърьләр (1960–1980). Казан: Татар. кит. нәшр., 2006. 511 б.
- Хасанова Ф. Ф. Ренат Харис шигърияте // Казан утлары. 2000. № 5. Б. 155–170.

Юзиев Н. Г. Хәзерге татар поэтикасы (Поэзия теориясенә кереш). Казан: Тат. кит. нәшр., 1973. 351 б.

#### References

- Akhunov, G. (1991). *Tamyrlar* [Roots]. Shəhri Kazan. 12 iiul'. (In Tatar)
- Galiullin, T. N. (1975). *Ellar iulga chakyr* [Years Call for a Journey]. 142 p. Kazan, Tatar. kit. nəshr. (In Tatar)
- Iusupova, N. M. (2018). *Sistema obrazov-simvolov v tatarskoi poezii pervoi poloviny XX veka* [The System of Images-Symbols in Tatar Poetry of the First Half of the 20<sup>th</sup> Century]. 311 p. Kazan', Ikhlas. (In Russian)
- Iuziev, N. G. (1973). *Khəzerge tatar poetikasy (Poeziia teoriiasenə keresh)* [Modern Tatar Poetics (Introduction to the Theory of Poetry)]. 351 p. Kazan, Tat.kit.nəshr. (In Tatar)
- Kharis, R. (2006). *Sailanma əsərlər: 7 tom* [Selected Works: In 7 Volumes]. T. 1: shigyr'lər (1960–1980). 511 p. Kazan, Tatar. kit. nəshr. (In Tatar)

Khasanova, F. F. (2013). *Poeziia Renata Kharisa kak khudozhestvennaia sistema* [Poetry by Renat Haris as an Artistic System]. *Filologiya i kul'tura. Philology and culture*. No. 2 (32), pp. 277–280. (In Russian)

Khasanova, F. F. (2005). *Poeziia Renata Kharisa: monografiia* [Poetry by Renat Harris: A Monograph]. 260 p. Kazan', izd-vo "Shkola". (In Russian)

Khəsanova, F. F. (2000). *Renat Kharis shig'riate* [Poetry by Renat Harris]. *Kazan utlary*. No. 5, pp. 155–170. (In Tatar)

Zagidullina, D. F. (2017). *Tatarskaia poeziia rubezha XX–XXI vekov (1986–2015 g.g.): esteticheskie orientiry i khudozhestvennye poiski* [Tatar Poetry at the Turn of the XX–XXI Centuries (1986–2015): Aesthetic Guidelines and Artistic Searches]. 268 p. Kazan', izd-vo Akademii nauk RT. (In Russian)

Zahidullina, D. F. (2015). *1960–1980 ellar tatar ədəbiyatı: iañarysh məidannary həm avangard ezlənylər* [Tatar Literature in 1960–1980: Renaissance Areas and Vanguard Explorations]. 383 p. Kazan, Tatar. kit. nəshr. (In Tatar)

The article was submitted on 15.04.2021

Поступила в редакцию 15.04.2021

**Юсупова Нурфия Марсовна,**  
доктор филологических наук,  
профессор,  
Казанский федеральный университет,  
420008, Россия, Казань,  
Кремлевская, 18.  
faikovich@mail.ru

**Гайнуллина Гульфия Расыловна,**  
кандидат филологических наук,  
доцент,  
Казанский федеральный университет,  
420008, Россия, Казань,  
Кремлевская, 18.  
gulfiarasilevna@mail.ru

**Yusupova Nurfiya Marsova,**  
Doctor of Philology,  
Professor,  
Kazan Federal University,  
18 Kremlyovskaya Str.,  
Kazan, 420008, Russian Federation.  
faikovich@mail.ru

**Gainullina Gul'fiya Rasilevna,**  
Ph.D. in Philology,  
Associate Professor,  
Kazan Federal University,  
18 Kremlyovskaya Str.,  
Kazan, 420008, Russian Federation.  
gulfiarasilevna@mail.ru